

Су Лоу был единственным сыном главы секты Биюнь, поэтому рос любимчиком буквально всей секты.

Но в Биюнь, где почти все были целителями или алхимиками, безумная одержимость Су Лоу Путём Меча годами доводила всю секту до головной боли.

Поэтому мать Су Лоу, глава Биюнь Цин Мяо, решила лечить яд ядом.

Она прекрасно знала: её сын больше всего на свете боится призраков. Поэтому обманула наивного маленького Су Лоу, сказав, что путь мечника — самый опасный во всём Линсюане.

А ещё мечники, мол, обычно чрезвычайно дорожат чувствами и связями, поэтому многие после превращения в дух обязательно возвращаются взглянуть на родную секту, любимых младших или соучеников.

— Доберёшься до секты Цинфэн — глядишь, через каждые два-три шага будешь встречать давно умершего предка!

Цин Мяо совершенно серьёзно пугала собственного сына.

— Но...

Тогда Су Лоу было всего шесть-семь лет. В глазах стояли две огромные лужицы слёз, а голос звучал жалобно:

— Почему я никогда такого не слышал?

Младшая сестра из соседней секты Дуаньюэ недавно ходила в Цинфэн и ничего подобного не рассказывала!

Она только сказала, что младшие братья в Цинфэн носят одинаковые белые одежды с голубым узором и маленькие деревянные мечи. Выглядят ужасно величественно!

— Эти мечники из Цинфэн лучше всех умеют скрывать правду.

Цин Мяо фыркнула:

— Иначе почему, по-твоему, в Цинфэн столько выдающихся гениев меча? Их же лично обучают духи предков!

Маленького Су Лоу напугали до полного оцепенения. Он тут же с плачем побежал искать отца.

А его родная мать за спиной улыбалась с самым коварным видом.

Цин Мяо была уверена: раз уж она наговорила столько ужасов, её всегда пугливый сын точно откажется от мысли стать мечником Цинфэн.

По её плану, бросив путь меча, Су Лоу должен был успокоиться и пойти вслед за ней по пути целителя.

В крайнем случае мог вместе с отцом катать пилюли и стать алхимиком.

Но она и представить не могла, что Су Лоу сбежит в Тайчу.

Тайчу была единственной многопрофильной сектой Линсюаня, входившей в десятку великих, и мечники там, разумеется, тоже были.

Решив, что мечников в Тайчу немного, а значит, и призраков, наверное, меньше, молодой господин Су, глотая слёзы и стиснув зубы, всё-таки приехал.

Но он никак не ожидал, что ещё до подъёма в Тайчу увидит дух недавно погибшего мечника.

Посмотрите, кровь на лице ещё даже не исчезла!

Мечники всегда следят за внешним видом — разве вышел бы живой человек в таком состоянии? Н-нет, это наверняка старший брат секты погиб и вернулся проведать своих!

— Привидение, у-у-у-у!

Молодой господин Су рыдал так, что сопли смешались со слезами. По лицу, почерневшему от удара молнии, потекли две широкие светлые дорожки.

Гу Бай: «...»

Шкала гнева продолжает расти: вверх-вверх-вверх.

Сун Чэн посмотрел на старшего брата, вокруг которого атмосфера вдруг стала мрачной и страшной, затем на неизвестного даоса, рыдавшего так, будто у него вырвали сердце, и почувствовал, как голова раскалывается надвое.

—

Спустя время одной чашки чая.

Су Лоу сглотнул и принялся раз за разом извиняться перед Гу Баем.

— П-простите! Я раньше неправильно понял!

Гу Бай ответил:

— Хе-хе.

Почувствовав явное давление от собеседника, Су Лоу беспомощно посмотрел на Сун Чэна.

В конце концов из всех присутствующих только он выглядел по-настоящему надёжным.

И надёжный Сун Чэн действительно заговорил:

— Старший брат, мне показалось, что меч этого даоса — новый духовный меч среднего класса из секты Дуаньюэ. Хотя его сделали, чтобы выманивать деньги у наивных, невежественных и глуповатых целителей с алхимиками, духовные кристаллы на нём всё-таки стоят кое-каких денег.

«Наивный, невежественный и глуповатый целитель» Су Лоу прижал любимый меч к груди и растерянно замер, точь-в-точь глупый сын богатого помещика.

Гу Бай всё ещё немного злился, но, услышав истории Су Лоу о «секретах мечников», которыми мать пугала его в детстве, почувствовал к этому глупышу только сочувствие.

Неужели он так спешил родиться, что забыл прихватить мозги?

Гу Бай сурово осудил собственного простодушного младшего брата за то, что тот прямо при хозяине положил глаз на его «жену»-меч. Затем повернулся к бедняге Су Лоу и собирался его утешить...

И увидел, как Су Лоу, прижимая меч, отступил на несколько шагов. Выражение униженной невинности на его лице напоминало молодую жену, которую вот-вот опозорят.

Лицо Гу Бая мгновенно стало пустым.

Да гори оно всё!

Обманом выманите у этого глупого богатенького сынка все духовные камни и сбросьте его с горы!

Су Лоу с запозданием понял смысл слов Сун Чэна.

Он недоверчиво уставился на честного на вид мечника и почувствовал, как его многолетняя вера в то, что мечники «чисты духом, благородны и неподкупны», постепенно рушится.

А ещё ужаснее было то, что старший ученик — тот самый старший ученик пика Ванлин, который, по слухам, «три дня и три ночи сражался со злым демоническим совершенствующимся»! — смотрел! зелёными от жадности глазами! на его жену!

Су Лоу глубоко вдохнул, а потом решительно сместился к единственному ребёнку среди присутствующих.

— М-маленькая сестрёнка, ты тоже мечница Тайчу?

Шэнь Цзи, которого за один день уже в третий раз приняли за девочку: «?»

Он поднял глаза на Су Лоу, у которого на лице будто было написано «глупый, чёрный и ни капли не сладкий», а затем медленно перевёл взгляд на духовный меч, который тот держал как сокровище и который был усыпан разноцветными духовными кристаллами. Уголок губ дёрнулся.

— Ты... ты только не...

Су Лоу почувствовал, что на его жену снова покушаются, и в голосе уже появились рыдания.

Шэнь Цзи сказал:

— Простите за прямоту, но сколько его ни украшай, это не скроет того факта, что перед нами кусок металлолома.

Эти слова ударили прямо в сердце.

Даже большее, чем прежнее замечание Сун Чэна про «наивного, невежественного и глупого целителя».

Поэтому вторую половину дороги Су Лоу шёл как в тумане, а под конец Сун Чэн просто подхватил его одной рукой и понёс вверх.

Всё-таки это единственный сын главы Биюнь.

Мечникам чаще всего приходилось иметь дело именно с целителями и алхимиками, а Биюнь была крупнейшей сектой обоих направлений. Нельзя было ссориться из-за такой мелочи.

Но Су Лоу решил, что его не сумели уговорить отдать меч и теперь просто перешли к силе, поэтому прижал к себе меч Юньшуй и задрожал ещё сильнее.

Гу Бай и Шэнь Цзи: «...»

Говорят, глава Биюнь, старшая Цин Мяо, действует крайне... свободно и необузданно. Её иглы «Безжалостно губящие цветы» известны всему Линсюаню. Так почему же сын у неё вырос таким робким и хныкающим?

—

Получив сообщение от старшего ученика, Шэньтун уже ждал у горных ворот. Вместе с ним стоял насильно притащенный глава пика Линдун Лань Юнь.

— Старший брат Шэньтун, не волнуйся. Маленькому Баю всегда удаётся превращать беду в благословение. Раз он сказал, что всё в порядке, значит, ничего серьёзного не случилось.

Одетый в белое, красивый и беззаботный глава пика Лань Юнь добродушно утешал Шэньтуна.

— В этом есть смысл.

Шэньтун провёл ладонью по редющим волосам и тяжело вздохнул:

— Но раньше я видел, как светильник жизни Маленького Бая погас, а потом мгновенно загорелся снова... До сих пор сердце не на месте.

Если бы правила секты не запрещали помогать ученикам на заданиях до тех пор, пока их жизнь действительно не окажется в опасности и они сами не раздавят талисман бедствия, Шэньтун давно бы уже спустился с горы к своему драгоценному старшему ученику.

<http://bllate.org/book/22296/2367821>